

П. Н. БЕРКОВ

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. Н. РАДИЩЕВА

Перед советскими литературоведами, исследующими жизнь и творчество Радищева, стоит ряд вопросов, не нашедших до сих пор окончательного и удовлетворительного решения.

Остановимся на некоторых из них.

Печатаемые ниже заметки ставят своей целью предложить если не решения этих вопросов, то хотя бы некоторые соображения, которые, может быть, окажутся небесполезными в дальнейшем изучении Радищева.

1. Является ли философская и литературная концепция «Путешествия из Петербурга в Москву» отражением одного только движения Пугачева?

Еще в конце 1860-х годов в связи с выходом в свет искаженного, так называемого шигинского издания «Путешествия из Петербурга в Москву» (1868) и даже раньше, в конце 1850-х годов, когда в «Русском вестнике» был напечатан биографический очерк А. Н. Радищева, составленный сыном его Павлом, началась длительная «подгонка» А. Н. Радищева под благонамеренного писателя.

Советское литературоведение, опирающееся на учение В. И. Ленина о традициях русского революционного движения, восходящих к Радищеву, давно уже покончило с либеральной фальсификацией образа Радищева и показало, какое громадное революционное значение имели его жизнь и деятельность, его смелая и последовательная книга. Положение о том, что Радищев был первым в мировой литературе писателем, оправдавшим и обосновавшим законность крестьянской революции, прочно усвоено советской наукой.

Однако до сих пор в научной литературе нет еще полной договоренности по вопросу о значении и месте крестьянского движения, возглавлявшегося Пугачевым, в развитии взглядов Радищева.

В решении этой проблемы, наметились в основном две линии. У них есть одна общая и безусловно правильная черта: в противовес дореволюционным буржуазным исследователям, выведшим мировоззрение Радищева из «влияний» западной философии и литературы, советские авторы считают, что система социально-политических убеждений Радищева целиком сложилась на почве русской действительности, на основе классовой борьбы крепостного крестьянства с эксплуатировавшими его дворянами-помещиками и чиновниками. Для советских исследователей ясно, что идейная концепция «Путешествия из Петербурга в Москву» является отражением конкретной русской действительности и в то же время крупнейшим документом русской политической борьбы последней четверти XVIII века. Однако советские исследователи не пришли, как уже указывалось, к единому пониманию вопроса. За кажущейся «почти» одинаковостью формулировок скрывается разное понимание роли Радищева в истории русской общественной мысли и литературы.

Первая линия сводится к тому, что в формировании социально-политических взглядов Радищева основная (а некоторые литературоведы, историки и философы говорят даже — единственная) роль принадлежит движению Пугачева.

Вот, например, что писал в 1949 году Н. Л. Степанов: «На формирование мировоззрения Радищева громадное воздействие оказала стихийная освободительная борьба русского народа и прежде всего крестьянское восстание 1773—1775 годов, возглавленное Емельяном Пугачевым».¹

Почти так же писал о значении пугачевского движения в развитии взглядов Радищева М. А. Горбунов: «Пугачевское движение оказало большое воздействие на формирование воззрений Радищева. Следы этого влияния чувствуются во многих главах знаменитого „Путешествия из Петербурга в Москву“».²

Эта точка зрения, то в более, то в менее решительной форме выразившаяся в работах Д. Д. Благого, Л. И. Кулаковой,

¹ Н. Л. Степанов. 1) Жизнь и творчество А. Н. Радищева. М., 1949, стр. 6; 2) Писатель-революционер. (К 150-летию со дня смерти А. Н. Радищева). «Наука и жизнь», 1952, № 9, стр. 39—40; 3) «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева и русская литература. «Октябрь», 1952, № 9, стр. 173.

² М. А. Горбунов. Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева. Госполитиздат, [М.], 1949, стр. 18.

А. В. Западова, И. Я. Щипанова, С. Ф. Елеонского, В. С. Покровского и других, особенно резко определилась у В. Н. Орлова и Г. П. Макогоненко.

«„Путешествие из Петербурга в Москву“ было рождено атмосферой крестьянской войны 1773—1775 годов, возглавленной Емельяном Пугачевым» — пишет В. Н. Орлов.³

Еще более резко, можно сказать, крайнюю форму выражения данная точка зрения нашла в работах о Радищеве Г. П. Макогоненко. В его книге о Радищеве (1949) мы находим следующее: «Какой же след оставило восстание Пугачева в сознании Радищева?» — спрашивает Г. П. Макогоненко и подробно отвечает на этот вопрос: «Все, написанное Радищевым после пугачевского восстания, есть непосредственное, теоретическое, философское и художественное обобщение опыта великой войны русского народа против помещичье-самодержавного государства, войны, наиболее демократической, предшествовавшей и американской и французской революциям».⁴

В книге «Радищев и его время», напечатанной в 1956 году, Г. П. Макогоненко пошел еще дальше: «Крестьянская война, — пишет он, — возглавленная Пугачевым, оказалась своеобразным университетом для Радищева... Впервые (курсив мой, — П. Б.) Радищев увидел, как обстоятельства дикого помещичьего произвола и „тяжести порабощения“, доводя крепостных „до крайности“, заставили их поднять руку на своих господ, вызвали жажду справедливого мщения за притеснения, за обиды, за нищенскую бесправную жизнь. Впервые с такой потрясающей очевидностью раскрылась ненависть крестьян к своим порабощителям. Впервые Радищев увидел великую самодеятельную энергию народа в общественном движении, его самостоятельные попытки собрать свои силы, создать свою армию; впервые услышал о выдвинутых „из среды народных“, замечательных руководителях восстания, военачальниках во главе с Пугачевым, одерживавших победы над прославленными генералами; впервые узнал, что крестьянское восстание вызвало сочувствие в армии, следствием чего явился переход воинских команд на сторону „бунтовщиков“, что справедливые требования крепостных нашли отклик даже у некоторых передовых дворян, не побоявшихся порвать со своим классом и стать на сторону Пугачева... Восстание Пугачева является рубежом в идейном развитии Радищева...»

³ В. Н. Орлов. 1) Бессмертные традиции. «Огонек», 1952, № 39, стр. 6; 2) Радищев и русская литература. Гослитиздат, М., 1949, стр. 5; 2-е изд., Гослитиздат, М., 1952, стр. 14.

⁴ Г. П. Макогоненко. Радищев. Очерк жизни и творчества. ГИХЛ, М., 1949, стр. 50.

сочинения Радищева убедительно доказывают, что революционером он стал лишь после крестьянской войны 1773—1775 годов». ⁵ В итоге получается, что книга Радищева, писавшаяся в основном во второй половине 1780-х годов и изданная в 1790 году, была целиком определена событиями только восстания Пугачева 1773—1775 годов: «Создавая „Путешествие из Петербурга в Москву“, Радищев опирался на опыт пугачевского восстания». ⁶

Такова в главных своих чертах первая точка зрения на отношение концепции «Путешествия» к движению Пугачева. Однако на этот же вопрос определилась и другая точка зрения. Из текста «Путешествия» видно, что, признавая правоту народа в его революционных выступлениях, Радищев в то же время осуждал крепостных за участие в пугачевском движении. Оправдывая крестьянское восстание как законное средство самозащиты, Радищев называл Пугачева «грубым самозванцем», его выступление — «обольщением», крестьян — «прельщенными» им. ⁷ Таким образом, ясно, что Радищев различал и решительно отделял законное крестьянское восстание, крестьянскую революцию от движения Пугачева, проходившего под монархическими лозунгами, не озаренного никакими идеями, кроме «веселия мщения», неспособного в корне изменить положение крепостных. В статье «Гражданин будущих времен» я подробно останавливался на вопросе об отношении Радищева в «Путешествии» к движению Пугачева. ⁸ В своей новой книге 1956 года Г. П. Макогоненко посвятил абзац данному вопросу, запутав его, на мой взгляд, неверными формулировками: «Но, оправдывая восстание Пугачева, — пишет Г. П. Макогоненко, — Радищев был далек от его идеализации. Как гениальный мыслитель он увидел слабость и неорганизованность крестьянских восстаний: он понимал, что в современных ему обстоятельствах эти восстания победить не могут, что желанная пора победоносной революции придет не скоро. Восставшие не осознавали связи между крепостным правом и политическим режимом самодержавия. Доведенные до крайности крепостные поднялись на мщение под царистским лозунгом: против Екатерины, но за „народного“»,

⁵ Г. П. Макогоненко. 1) Радищев и его время. Гослитиздат, М., 1956, стр. 198, 207—210; 2) ср.: А. Н. Радищев и русская общественная мысль XVIII века. «Вестник АН СССР», 1952, № 9, стр. 70—72.

⁶ Г. П. Макогоненко, Радищев и его время, стр. 486.

⁷ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 320. (В дальнейшем цитируется: А. Н. Радищев).

⁸ См.: «Известия АН СССР», Отделение литературы и языка», 1949 № 5, стр. 408.

мужичьего царя. Революционер Радищев, ненавистник всякой монархии, писал поэтому в „Путешествии“⁹ о слабости восставших, пошедших „за грубым самозванцем“⁹.

В приведенной цитате мне кажется неверным следующее: во-первых, Радищев не оправдывает Пугачева: он признает справедливость крестьянского восстания, а не «восстания Пугачева», которого, как мы видели, называл «грубым самозванцем», а пугачевские лозунги — «обольщением», крестьян — «прельщенными»; во-вторых, никак нельзя назвать радищевскую оценку политики Пугачева «далекой от идеализации»; это не прямая и четкая характеристика, какая нужна в данном случае; в-третьих, утверждая, что Радищев увидел «слабость и неорганизованность» крестьянских восстаний, что «восставшие не осознавали связи между крепостным правом и политическим режимом самодержавия», Г. П. Макогоненко не замечает, что он противоречит своим собственным словам о «великой самостоятельной энергии народа в общественном движении», о «его самостоятельных попытках собрать свои силы, создать свою армию», о «замечательных руководителях восстания» и т. д. Вопросу о влиянии манифестов Пугачева, т. е. того, что в «Путешествии» названо «обольщением», на идеологию и фразеологию Радищева Г. П. Макогоненко посвятил ряд страниц в своей книге «Радищев и его время» (стр. 193—198 и 208). И не спасают позиции автора оговорки, которые он делает при характеристике слабости и силы армии Пугачева (стр. 192).

Противоречия своей концепции Г. П. Макогоненко пытается устранить, во-первых, тем, что все слова о «грубом самозванце», о «прельщенных» крестьянах, об «обольщении» относит к кругу идей «Проекта в будущем», «автор» которого «боится восстания крестьян» (стр. 458); во-вторых, тем, что центральное место всего «Путешествия» — главу «Медное» с ее формулой «свободы ожидать должно только от самой тяжести порабощения» — он отделяет от путешественника: «Путешественник читает рукопись друга о продаже крепостных, а написал ее от имени друга путешественника Радищев» (стр. 460). Однако эти попытки спасти положение не помогают Г. П. Макогоненко: на ряде страниц книги он говорит о «веселии мщенья» как о части концепции Радищева, а не путешественника; следовательно, он не всегда разделяет Радищева и путешественника. Далее, путешественник читает, помимо рукописи друга о продаже крепостных, еще и слово о Ломоносове, которое тоже не принадлежит ему, путешественнику. Таким образом, в «Путешествии» не ока-

⁹ См. прим. 5: Г. П. Макогоненко. 1) стр. 208; 2) стр. 72.

зывается ни одного места, из которого можно было бы заключить, что путешественник «политически прозревает», что он от своего имени выражает признание идеи народной революции. Он только читает. Но это еще не основная ошибка Г. П. Макогоненко. Самое ошибочное — это то, что Г. П. Макогоненко во всех своих работах ограничивает исторический революционный опыт Радищева одним только восстанием Пугачева.

Борясь с самодержавием Екатерины II, столь губительным для крестьянства России, Радищев естественно должен был критически продумать и теоретически обобщить крестьянские движения как до Пугачева, так при Пугачеве и после Пугачева. Приходится с сожалением констатировать, что и наши историки, и литературоведы как-то забывают, что восстание Пугачева не было ни первым, ни последним крестьянским «волнением» XVIII века. Конечно, подобного по размаху и следствиям крестьянского восстания после Пугачева не было ни в XVIII, ни в XIX веках. Но нельзя забывать, что уже в 1780-х годах и в особенности в 1790-х при Екатерине, а затем и при Павле I имели место неоднократные крестьянские восстания. Историки указывают, что за двадцать лет, протекавшие после казни Е. Пугачева (1775 г.) до смерти Екатерины (1796 г.), зарегистрировано было свыше двадцати крестьянских «бунтов».¹⁰ Но помимо «бунтов», были мелкие вспышки. Одно из таких стихийных возмущений крепостных Радищев описал в «Путешествии» («Зайцево»). Движение крепостных в 1797 году охватило 32 губернии; оно было воспринято современниками как «малая пугачевщина» и потребовало посылки регулярных войск для усмирения восставших. Поэтому считать, что революционное мировоззрение Радищева выросло или было сформировано под влиянием одного только движения Пугачева, значит слишком односторонне и узко понимать ленинскую теорию отражения и только декларативно утверждать примат действительности. Нельзя не учитывать прекрасного знания Радищевым русской истории и его глубочайшего интереса к современности; он безусловно знал и понимал характер народных восстаний до XVIII века, а в XVIII веке — до Пугачева, равно как само пугачевское движение и крестьянские и национальные волнения после казни

¹⁰ См.: В. И. Семевский. 1) Волнения крепостных крестьян при Екатерине II. 1762—1789. «Русская старина», 1877, № 1, стр. 193—226; 2) Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 1. 2-е изд., СПб., 1903, стр. 419—456. Библиографию советских работ по крестьянскому движению последней четверти XVIII века см. в кн.: История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1952 гг. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 503.

Пугачева. Недавно опубликованные заметки Радищева «К Российской истории» свидетельствуют о его живейшем интересе ко всяким проявлениям народного недовольства в прошлом, к фактам волнений холопов, к русскому народоуправству и вольности.¹¹

Он не мог не знать о движении Срыма Датова в Казахстане (1783—1796), и об «аграрных беспорядках» в Прибалтике (конец 1780-х годов), устанавливать причины которого было поручено А. Р. Воронцову, и о многих других аналогичных фактах тех лет. Поэтому было бы ошибочно сводить все в философской и литературной концепции Радищева к Пугачеву и только к Пугачеву.

2. О композиции «Путешествия из Петербурга в Москву»

С вопросом об отношении Радищева к крестьянской революции тесно связан вопрос о композиции «Путешествия». Он может быть сформулирован так: в какой зависимости находится композиция «Путешествия» от его основной идеи?

В досоветском, буржуазном литературоведении вопрос этот почти не ставился. Тогдашние историки литературы считали достаточным определить жанр книги Радищева как «путешествие» и этим ограничивались. Это было неслучайно. Некоторые из писавших, отмечая разнообразие точек зрения на проблемы политической жизни России, отразившиеся в «Путешествии», не пытались объяснить этот факт. Они считали, что любая из высказанных на страницах книги Радищева социально-политических точек зрения органически входит в политическую систему автора и характеризует его взгляды.

В советское время этой концепции было противопоставлено серьезное, на фактах обоснованное изучение всего наследия Радищева и в первую очередь его «Путешествия из Петербурга в Москву».

Специально вопросом о композиции книги Радищева впервые еще на студенческой скамье занялся Г. П. Макогоненко. В напечатанной позднее статье «О композиции „Путешествия из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищева» он писал: «Единым сюжетом „Путешествия“ является история человека, познавшего свои политические заблуждения и открывшего правду жизни, новые идеалы, ради которых стоило жить и бороться».¹²

¹¹ См.: А. Н. Радищев, т. III, стр. 32—40 и прим. на стр. 580.

¹² Сб. «XVIII век», вып. 2, Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 36; ср. его книгу: Радищев и его время, стр. 443.

Согласно концепции Г. П. Макогоненко, первые главы книги «рисуют нам человека, верующего в мудрость екатерининских законов страны, „где мыслить и верить дозволяется всякому, кто как хочет“, где все дышит якобы обилием, где якобы искренены всякие неустройства и злоупотребления, где правит мудрая царица „философ на троне“. Но вот герой выехал из столицы и как будто попал в другой мир — так все ново и незнакомо в нем».¹³ После ряда столкновений с реальной действительностью, он «убедился, что не все так благополучно в государстве, как ему казалось». Чем дальше едет путешественник, тем больше убеждается он в необходимости переустройства якобы благополучного общества. Сперва «он обращается к дворянам», думает, что так можно решить волнующие его проблемы. Но «вера в царя, могущего исправить хотя бы „мелкие и частные неустройства“, рухнула. Путешественнику стало ясно, что все дело не в неустройствах, а в системе государства, а систему возглавляет царь; чего же ждать от него?». И далее путешественник, по мнению Г. П. Макогоненко, приходит к заключению о неизбежности и законности крестьянской революции. «Такова эволюция путешественника».¹⁴

Концепция Г. П. Макогоненко, впервые печатно изложенная в 1940 году, не претерпела почти никаких изменений в дальнейшем. В своих книгах 1949 и 1956 годов он почти в тех же словах повторяет положения статьи 1940 года.¹⁵

Талантливые книги Г. П. Макогоненко подкупают читателя обилием свежих, интересных мыслей, новых соображений, неожиданных и оригинальных поворотов анализируемого материала. Написанные взволнованным, совсем не «академическим» языком монографии Г. П. Макогоненко в известной мере гипнотизируют читателя, и он подчиняется голосу автора, не пытаясь противопоставить концепции Г. П. Макогоненко какие-либо не укладывающиеся в предложенную им схему факты, не выдвигая какой-либо иной точки зрения на композицию «Путешествия».

Между тем в теории Г. П. Макогоненко не все убедительно, не все на месте. Частично мы уже коснулись этого вопроса выше. Пойдем далее. Если «Путешествие» — картина постепенного прозрения путешественника, если «все изображаемые события, признанные воздействовать на путешественника, раскрывать ему подлинную жизнь и рассеивать сложившиеся иллюзии о ней,

¹³ Сб. «XVIII век», стр. 36.

¹⁴ Там же, стр. 36—43 и след.

¹⁵ См.: Г. П. Макогоненко. 1) А. Н. Радищев. Очерк жизни и творчества, стр. 119; 2) Радищев и его время, стр. 443 и след.

подчиняют его разум своей логике жизненной правды»,¹⁶ то чем же объяснить странные, полные глубокой впечатлительности слова в первой главе книги («Выезд»): «Блажен возрыдавший, надейся на утешителя; блажен живущий иногда в будущем; блажен живущий в мечтании». ¹⁷ Неужели это простое продолжение мыслей о расставании при отъезде? Неужели слова эти совершенно оторваны от общего замысла книги? Неужели они не связаны с кругом идей автора о будущих судьбах страны, народа, революции?

В следующей главе («София») идут многократно цитировавшиеся слова о песне ямщика и «голосах русских народных песен». Что значит весь этот отрывок, если стать на точку зрения Г. П. Макогоненко о том, что путешественник выезжает, уверенный в благоденствии народа под благодетельным правлением «философа на троне»? Если все идет в стране хорошо, нужно ли путешественнику давать такую настораживающую формулировку с которой обращаться он мог только к лицу, стоящему у кормила правления, к монарху: «На сем музыкальном расположении народного уха, *умей* (курсив мой, — П. Б.) учреждать бразды правления. В них найдешь образование души нашего народа». Если «умей», если «найдешь» — значит, в данный момент «бразды правления» учреждены не на «музыкальном расположении народного уха», значит, стоящий у кормила правления не «нашел» еще «образование души нашего народа».

Отрывок о песне ямщика не оканчивается, как известно, словами «умей», «найдешь». То, что сказано далее, представляет попытку показать, что песня отражает народный характер, что в основе русского народного характера лежит какая-то глубокая драма: в характере народа есть «скорбь душевная», русский человек «задумчив», в «веселии», достигаемом средством опьянения, т. е. тогда, когда обычных сдерживающих начал нет, он «порывист, отважен, сварлив» (здесь «сварливый» означает не «задиристый», «придирчивый», а «готовый в драке отстоять свои права»): «Если что-либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву». Иными словами, путешественник в этой характеристике показывает, что «душевная скорбь» «задумчивого» русского человека проистекает от того, что он терпит несправедливое к себе отношение, но не примирился с ним, не смирился вообще и что потенциально он смел, отважен и способен отстоять силой свои поправленные права, что потенциально он революционер.

¹⁶ Г. П. Макогоненко. Радищев и его время, стр. 441.

¹⁷ А. Н. Радищев. Избранные сочинения, под ред. Г. П. Макогоненко. Гослитиздат, М., 1952, стр. 62.

Значит, путешественнику не надо было совершать столь длинное путешествие из Петербурга в Москву, чтобы прийти к выводам, которые приписывает ему Г. П. Макогоненко. Путешественник понимает, что длительная история России, современное состояние екатерининской империи с ее блистательными внешними успехами и ужасными катастрофическими условиями внутренней жизни, наконец, будущее страны — все это связано с народом, а не с помещиками—дворянами, не с вельможами и царями. Отсюда и вырастает знаменитая фраза, абсолютно невозможная в устах сконструированного Г. П. Макогоненко, отрешенного от действительности путешественника: «Бурлак, идущий в кабак, повеся голову и возвращающийся обгазированной кровию от оплеух, много может решить, доселе гадательное в истории Российской». Что означают слова «много может решить, доселе гадательное в истории Российской»? О прошлом и настоящем не «гадают»; «гадают», т. е. строят предположения о будущем. Иными словами, путешественник при самом своем выезде из Петербурга, в самом начале своего путешествия дает понять, что будущее России он связывает с народными движениями, с восстанием крестьян (ведь бурлак — это тот же крепостной).

Итак, путешественник с первых же глав — «Выезд», «София» — обнаруживает, что у него есть уже определенная и ясная точка зрения на будущее, о котором он «мечтает», и на прошлое, настоящее и будущее, героем которого является «бурлак», представитель народа, потенциальный революционер.

Таким образом, «Путешествие» не есть «история человека, познавшего свои политические заблуждения, открывшего правду жизни, новые идеалы и „правила“, ради которых стоило жить и бороться, история идейного и морального обновления путешественника».¹⁸

С легкой руки Белинского, назвавшего «Евгения Онегина» «Энциклопедией русской жизни», это выражение много раз прилагалось к различным произведениям русской литературы. К «Путешествию из Петербурга в Москву» Радищева оно может быть применено с наибольшим правом. В самом деле, путешественник, имеющий уже не малый жизненный опыт, хорошо знающий бытовой уклад и психологию всех слоев русского общества — от царя и вельмож, от дворян-помещиков, дворян-чиновников и купцов, вроде Карпа Дементьича и его семейки, от разночинных и крепостных интеллигентов и до самых обыкновенных крестьян, путешественник, имеющий серьезные знания

¹⁸ Г. П. Макогоненко. 1) А. Н. Радищев. Очерк жизни и творчества, стр. 119; 2) Радищев и его время, стр. 443.

отечественной и всеобщей истории, философии, литературы и т. д., обладающий глубоким пониманием роли народа в жизни России, выезжает из Петербурга в Москву, но не с тем, чтобы «прозреть» и «морально обновиться», а чтобы на ряде примеров — в результате встреч и бесед с разными людьми, с помощью найденных рукописей, при посредстве обычного в политической утопической литературе XVIII века приема («сон»), разоблачить, развеять иллюзии, поддерживать которые склонны были многие из его либерально-дворянских современников. И в то же время перед нами разворачивается «энциклопедия русской жизни» XVIII века.

Композиция «Путешествия» такова, что путешественник, намеркнувший в «Выезде» и в «Софии» на наличие у него определенной системы взглядов, в последующих главах разными способами, разными средствами, но последовательно разбивает враждебные ему политические концепции с тем, чтобы показать читателю, почему «блажен живущий иногда в будущем», почему «блажен живущий в мечтании», чтобы разъяснить ему, как «бурлак» решит «доселе гадательное в истории Российской», — решит с помощью неизбежной революционной перестройки общественно-политического порядка в стране.

«Бурлак», решающий «доселе гадательное в истории Российской», — это только потенциальная революционная сила, сила стихийная, нуждающаяся в целеосознании направлении, руководстве. Таким руководителем не может быть, по мнению Радищева, Пугачев, который шел по враждебному пути построения новой монархии, не дворянской, а крестьянской монархии, которая, в конце концов, должна привести к тем же результатам, что и екатерининская, к созданию новой «знати», нового «вельможества», к угнетению народа.

Радищев полагал, что подлинным руководителем революционного народа должны быть выходцы из самого народа, такие люди, как встреченный путешественником семинарист, как г. Крестьянкин, как Ломоносов, хотя к его политической позиции Радищев относится достаточно критически.

Поэтому композиция «Путешествия» такова, что автор ставляет своего героя выехать из Петербурга с уже имеющейся определенной, четкой политической системой революционно-демократических взглядов и последовательно показывает читателям, что всякие иные точки зрения на возможность улучшения положения народа (екатерининские «просвещенно-абсолютистские», конституционные, «пугачевские» и т. п.) несостоятельны, кроме одной точки зрения, — точки зрения законности и справедливости крестьянской революции. И «Слово о Ломоно-

сове», заключающее «Путешествие», поставлено Радищевым в конце именно для того, чтобы показать, что в условиях монархии Ломоносов, несмотря на все огромные дарования, был политически ограниченным, но что в условиях крестьянской республики он или ему подобные смогут быть великими политическими деятелями.

Вместе с тем «Слово о Ломоносове» построено таким образом, что, восхваляя Ломоносова как того, кто «в отношении российской словесности путь ко храму славы проложил», «кто есть первый виновник в приобретении славы», Радищев получил возможность объяснить замысел своей книги и показать читателям, что он понимает предстоящие ему гонения: «Не достойны разве признательности мужественные писатели, восставшие на губительство и всесилие, для того, что не могли избавить человечества из оков и пленения?».

Таким образом, композиция «Путешествия» заключалась не в постепенном «прозрении» «путешественника», а в постепенном разоблачении «путешественником» всех политических иллюзий и в утверждении закономерности и реальной возможности крестьянской революции.¹⁹

3. Радищев и антикатерининские движения 1780—1790-х годов

Существовавшее в старой литературе о Радищеве мнение о том, что он был совершенно одинок в идейном отношении, встретило в советское время, как известно, энергичное сопротивление и рядовых читателей, и советских литературоведов, и историков.

Ряд исследователей показал, что и перед выступлением Радищева с «Путешествием», и одновременно с ним, и после в России было множество фактов идеологической борьбы с Екатериной II.

Вышедшие в конце 1952 года под ред. И. Я. Щипанова «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века» широко раздвинули обычные представления о русском просветительстве после ломоносовского времени и показали ту идейную атмосферу, те идейные искания, которые предшествовали и окружали Радищева. Работы К. В. Сивкова,²⁰

¹⁹ Вопросу, рассматриваемому в настоящей главе нашей статьи посвящена работа Н. И. Громова «О композиции „Путешествия из Петербурга в Москву“» (сб. «Радищев», под ред. М. П. Алексева, Л., 1950, стр. 129—147), в ряде пунктов совпадающая с нашей точкой зрения.

²⁰ См.: К. В. Сивков. 1) Общественная мысль и общественное движение в России в конце XVIII века. «Вопросы истории», 1946,

Б. П. Козьмина,²¹ Л. Б. Светлова²² позволили более конкретно представить себе то, что принято называть «окружением Радищева». Н. К. Пиксанов в статье о Радищеве²³ напомнил некоторые новые имена, ускользнувшие от внимания литературоведов, например имя живописца И. Ерменева, с трудом получившего из-за своего «поведения» аттестат об окончании Академии художеств и вскоре затем участвовавшего в штурме Бастилии.²⁴

К. В. Чистов в связи с юбилеем Радищева 1952 г. посвятил интересную статью школьному другу Радищева, П. И. Челищеву, показав в ней, что и это лицо должно быть включено в число людей, идейно близких автору «Путешествия из Петербурга в Москву».²⁵

Можно было бы к отмеченным в научной литературе именам политических и философски близких Радищеву деятелей прибавить еще одно указание. В анонимной комедии «Злоумный», написанной в 1781 году и изданной в 1787 году, мимоходом говорится о каком-то несомненно реальном лице, которое обозначено именем Химерова. Отрицательный герой пьесы, злоязычник Ядон, сообщает об интересующем нас лице следующее: «Химеров? Ха, ха, ха. Нет ничего прекраснее. Химеров, этот сума-

№ 5—6, стр. 90—95; 2) Г. И. Попов, представитель общественной мысли в России конца XVIII века. Там же, 1947, № 12, стр. 70—87; 3) Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII века. «Исторические записки», вып. 19, 1946, стр. 63—101; 4) Самозванчество в России в последней трети XVIII века. Там же, вып. 31, 1950, стр. 88—135; 5) Читатели и распространители «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева в конце XVIII века. Там же, вып. 40, 1952, стр. 279—282.

²¹ См.: Б. П. Козьмин. А. Н. Радищев и его «Путешествие из Петербурга в Москву». «Известия АН СССР», Серия истории и философии, 1949, № 5, стр. 385—398.

²² См.: Л. Б. Светлов. 1) А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII века. «Известия АН СССР», Серия истории и философии, 1949, № 5, стр. 446—450; 2) А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII века. Сб. «Из истории русской философии XVIII—XIX веков», под ред. И. Я. Щипанова, Госполитиздат, М., 1952, стр. 38—84.

²³ См.: Н. К. Пиксанов. Великий мыслитель и гражданин. (К 150-летию со дня смерти А. Н. Радищева). «Звезда», 1952, № 9, стр. 155—163.

²⁴ О И. Ерменеве см.: Н. Коваленская. 1) Академия трех знатнейших художеств. «Советское искусство», 1939, 12 января, № 6; 2) История русского искусства XVIII века. Изд. «Искусство», М.—Л., 1940, стр. 91; А. Савинов. Академия художеств. М.—Л., 1948, стр. 9; О. В. Михайлова. Учебный рисунок в Академии художеств XVIII века. М., 1951, стр. 55, 56 и 79. В упомянутой выше книге Н. Коваленской на стр. 216 дано воспроизведение акварели И. Ерменева «Нищие».

²⁵ См.: К. В. Чистов. Путешественник по северу России П. И. Челищев. «На рубеже», Петрозаводск, 1952, № 9, стр. 71—80.

шедший, которой рехнулся на путешествиях Робинзона Крузо; которой ни о чем больше не думает, как только, чтобы ехать ему на пустой остров и учредить там новую республику; которого и жена обманывает, и в то время как он, запершись в кабинете, для мнимого своего государства сочиняет законы, она приготовляет ему граждан для населения; фуй! не говори мне о благополучии этого дурака» (д. II, явл. 4).

Кто этот Химеров, мечтавший в екатерининской России в полупугачевское время о создании утопической республики на необитаемом острове, мы сейчас не знаем. Но для характеристики умственных течений эпохи, когда Радищев писал свое «Путешествие», этот штрих представляется мне нелишним.

Но можно ли согласиться с противопоставляемой легенде об одиночестве Радищева новой легендой о том, что Радищев имел многочисленных предшественников, соратников, последователей? Н. К. Пиксанов правильно отметил: «Никто из названных предшественников и ближайших последователей Радищева не мог равняться в своей силе и значении с великим мыслителем и революционером».²⁶

Какие, в самом деле, это предшественники, какие это соратники и последователи Радищева, когда они самого главного в его философских и политических взглядах — материалистического учения о закономерности и справедливости крестьянской революции — не принимали и не признавали?

Борьба с легендой об одиночестве Радищева была в свое время необходима, необходима она и сейчас. Но также необходимо и правильное понимание исторической роли революционера Радищева, зачинателя русской революционной традиции.

Радищев был не одинок не потому, что до него выступали отдельные передовые русские мыслители и писатели-просветители, не потому, что за ним, как принято считать, шли И. Борн, В. Попугаев и др. Он был не одинок потому, что отражал в своем философском и литературном творчестве настроения многих миллионов крепостных русских крестьян, потому что он думал о благе народных масс и боролся за народное счастье.

Весьма важные факты об «окружении Радищева» не утрачивают в результате только что сказанного своего значения: они свидетельствуют о том, что тяжелое положение угнетенного крепостным укладом крестьянства вызывало к жизни разные виды передовых воззрений, и именно это заставляет нас относиться к ним с должным вниманием.

²⁶ «Звезда», 1952, № 9, стр. 163.

Здесь приходится коснуться еще одного вопроса: был ли Радищев «дворянским» революционером? Н. К. Пиксанов показал, что Ленин нигде не называет Радищева «дворянским» революционером и не объединяет его с декабристами, «что в вопросах земельной и крестьянской реформы Радищев шел дальше большинства декабристов, как и в вопросе о народовластии и о насильственном социально-политическом перевороте силами самого народа».²⁷

Вопрос о «дворянском» или «недворянском» характере революционности Радищева ставился в научной литературе и до Н. К. Пиксанова. Б. П. Козьмин в статье о Радищеве писал: «Обычно Радищева рассматривают как прямого предшественника декабристов. Конечно, это так и было. Но этого признания еще недостаточно для установления места Радищева в истории развития русской революционной мысли. Дело в том, что в некоторых вопросах Радищев пошел дальше декабристов. В разрешении их он стоит ближе к революционным демократам середины XIX в., чем к дворянским революционерам».²⁸

Приведя ряд данных, свидетельствующих об идейной близости Радищева к революционным демократам, Б. П. Козьмин коснулся основного вопроса — о крестьянской революции в понимании Радищева. «Высказывая эту мысль, — писал Б. П. Козьмин, — Радищев через голову декабристов перекликался с революционерами последующего времени... Самая формулировка этой мысли поистине являлась громадным шагом вперед, в далекое еще будущее».²⁹

Все эти наблюдения и соображения настолько убедительны, что, казалось бы, сейчас едва ли станет кто-либо вновь поднимать вопрос о Радищеве как о «дворянском революционере». Однако все же такие взгляды еще высказываются.³⁰

²⁷ Там же, стр. 162.

²⁸ Б. П. Козьмин. А. Н. Радищев и его «Путешествие из Петербурга в Москву». «Известия АН СССР», Серия истории и философии, 1952, № 5, стр. 393.

²⁹ Там же, стр. 395—396.

³⁰ Об определении Радищева как дворянского революционера см.: О некоторых вопросах истории русской общественной мысли конца XVIII—первой половины XIX века. «Передовая». «Вопросы истории», 1955, № 9, стр. 4; П. Ф. Никандров. Мировоззрение П. И. Пестеля. Изд. ЛГУ, 1955, стр. 101; А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров. О месте А. Н. Радищева в русском освободительном движении. «Вопросы философии», 1956, № 3, стр. 160—165, и ряд других.

Против определения Радищева как дворянского революционера см.: Ю. М. Лотман. Был ли А. Н. Радищев дворянским революционером? «Вопросы философии», 1956, № 3, стр. 165—172.

Ни декабристы, которые, как известно, были страшно далеки от народа, ни Герцен, ни Белинский, революционно-демократические воззрения которых достаточно определены, не формулировали принцип законности и справедливости крестьянской революции в таком виде, как это сделали Радищев и Чернышевский. Об этом забывать никак нельзя.

Итак, Радищев никак нельзя в какой-либо форме растворять в различных антикаторининских движениях 1780—1790-х годов, как нельзя его соединить в одну группу с декабристами. Радищев в ряде пунктов был предшественником революционных демократов 1840—1860-х годов, и в этом его основное историческое своеобразие.

4. Участие Радищева в журналистике 1770—1790-х годов

Судьба архива А. Н. Радищева нам неизвестна. Мы не знаем, были ли конфискованы его бумаги во время ареста в 1790 году, не знаем, какая участь постигла его рукописи, послужившие материалом для посмертного собрания сочинений 1806—1811 годов. Писем его сохранилось очень немного. Можно не сомневаться, что, находясь в Илимске, он переписывался не только со своими родными и А. Р. Воронцовым, но и с другими лицами, со своими тобольскими знакомыми 1791 года. Все эти ощутительные недочеты наших источников особенно явственно отражаются на решении вопроса об участии Радищева в журналистике последней трети XVIII века.

Впервые вопрос о том, какое участие принимал Радищев в журналистике 1770-х годов, был поставлен в 1927 году З. И. Чучмаревым.³¹ Применяя «формально-социологический» метод стилистического анализа и допуская явные натяжки и порой даже передержки,³² З. И. Чучмарев отвел авторство Радищева в отношении ряда статей в «Живописце» Новикова, в том числе и знаменитого «Отрывка путешествия в *** И *** Т***», а затем пространно доказывал, что статья за подписью «Любомудров» в том же «Живописце» и письма сильфов Дальновиды и Световиды в «Почте духов» Крылова принадлежат Радищеву, как и «Беседа о том, что есть сын отечества» в «Беседующем

³¹ См.: З. И. Чучмарев. Участие А. Н. Радищева в журнальной литературе его времени. К социологии его творчества. «Наукові записки Науково-Дослідчої катедри історії європейської культури», т. II, 1927, стр. 95—123.

³² З. И. Чучмарев утверждает, что инициалы «И. Т.», т. е. «Издатель Трутня», встречаются в новиковском «Трутне». Это не соответствует действительности.

гражданине». По существу, работа Чучмарева представляла собой только разбор уже существовавших до него в литературе суждений об участии Радищева в журналах 1770—1780-х годов; она не подвинула исследование вперед, а только запутала и без того трудное положение.

В литературе и журналистике конца XIX века существовало предположение о возможном участии Радищева в журнале «Утренние часы» (1788—1789). Мысль эта была высказана Ф. А. Витбергом в статье «Первые басни И. А. Крылова», напечатанной в 1900 году в «Известиях Отделения русского языка и словесности» (кн. 1, стр. 204—259) и вышедшей затем в исправленном виде отдельным оттиском. Ф. А. Витберг писал: «Может быть, к числу сотрудников («Утренних часов») надо причислить и А. Н. Радищева. Хотя ни одна из буквенных подписей не подходит к нему, но он показан (в моем экземпляре, ч. 1) в числе подписчиков. А мы видели, что некоторые подписчики были в то же время и сотрудниками» (стр. 44 отдельного оттиска).

Соображения Ф. А. Витберга, несмотря на всю их осторожность и неопределенность, заслуживают все же внимания: участие подписчиков в том или ином журнале XVIII века было явлением обычным в то время, и поэтому теоретически предположение Витберга вполне допустимо. Журнал «Утренние часы» издавался вольтерьянцем И. Г. Рахманиновым и П. А. Озеровым; в нем печатались статьи довольно радикальные по тому времени, проникнутые республиканскими, антимоноархическими идеями. Наличествовал в «Утренних часах» и элемент сатирический. Самый факт, что Радищев состоял подписчиком этого журнала, свидетельствует, что были какие-то причины, заставившие его обратить внимание на данное издание. Таким образом, повторяю, теоретически участие Радищева в «Утренних часах» возможно, противопоказаний — нет.

Если же практически подойти к решению вопроса, то можно с известной долей вероятности говорить только о предположительном авторстве Радищева по отношению к «отрывку» «Уединенный Пармен».³³ Содержание этого отрывка состоит в следующем. Выброшенный после кораблекрушения на «пустой остров» Пармен сперва поражен мрачной обстановкой, в которую попал. «Что ж, должен ли я отчаиваться?» — спрашивает он себя. — «Уныние признак душевной слабости. — Я рожден к общежитию; все люди рождены к тому» (стр. 113). Остро чувствуя

³³ «Утренние часы», 1788, ч. III, неделя XXXIV, стр. 113—115. (В дальнейшем все ссылки на этот источник даются в тексте).

одиночество, Пармен утешает себя мыслью о возможности нравственного самоусовершенствования: «Затворимся внутрь себя... Я здесь, может быть, чтоб осветить свою внутренность; чтоб поселить покой в сердце своем» (стр. 113—114). Он полагает, что «блаженство состоит в чувствовании прекрасного и непостижимого» (стр. 114). Одиночество наталкивает Пармена на мысль о загробном мире: «О усладительная мысль! Ты заставляешь меня предвкушать сладости будущего, по оставлении брения!» (стр. 115). Но в это время он слышит крики о помощи, все его эгоистические мысли о личном самоусовершенствовании немедленно испаряются, он чувствует в своей душе голос, зовущий его оказать помощь нуждающемуся, — уединенный Пармен снова идет к людям. Смысл этого «отрывка» ясен: человек не может жить вне общества, человек по природе своей существо «сочувствующее», сопереживающее и активно откликающееся на внешние воздействия, активно осуществляющее «внутренние» приказания, веления своей совести: «Он течет, как быстрый елень, на помощь призывающим его страждущим сочеловекам, благословляя судьбы, показующие ему путь и долг жизни его» (стр. 115).

Идеологически «Уединенный Пармен» примыкает к «Путешествию из Петербурга в Москву» (в особенности к посвящению книги А. М. Кутузову и к главе «Чудово») и к трактату «О человеке, о его смертности и бессмертии», а также к «Дневнику одной недели». Основная идея посвящения «Путешествия», а следовательно и всей книги, в том, что «возможно всякому соучастником быть во благодетствии себе подобных». Радищев считает, что найдутся такие люди, кто намеренно его одобрит, кто поймет его «благую цель», кто «состраждет» с ним «над бедствиями собратии своей», кто «в шествии» его «подкрепит». Он с явным неодобрением изображает в главе «Чудово» своего приятеля Ч., который, вместо борьбы с общественным злом, избирает уединение, уход от людей. Все это в дальнейшем находит развитие в «Путешествии» и теоретическое обоснование в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии». Одним из важнейших тезисов философского трактата является утверждение: «Человек рожден для общежития. Поздое его совершеннолетие воспретит, да человеки не разыдутся, как звери». Эта же мысль положена в основу «Дневника одной недели», герой которого переживает всю гамму чувств одинокого человека, — от ожидания друзей, которые должны возвратиться через неделю, до ненависти к ним из-за того, что они не приезжают в срок, и до беспредельной радости в связи с их возвращением. «Уединенный Пармен», по-видимому, один из документов идейной борьбы Радищева с масонством, ставившим своей целью пропа-

ганду личного самоусовершенствования. Помещая героя «Уединенного Пармена» на необитаемый якобы остров, Радищев хочет как можно естественнее аргументировать возникновение у Пармена (правильно утверждающего сперва, что он, как и все люди, рожден для общежития) индивидуалистических, эгоистических и частично даже мистических настроений (мысли о загробном мире). Что здесь имеется ввиду именно масонство, совершенно ясно. Поэтому можно предположить, что отрывок «Уединенный Пармен» является одним из тех полемических произведений Радищева, которые были написаны им против А. М. Кутузова³⁴ и которые до нас не дошли.

Таким образом, отрывок «Уединенный Пармен» в идейном отношении тесно примыкает к произведениям Радищева конца 1780-х—начала 1790-х годов (о датировке «Дневника одной недели» см. ниже).

И стилистически «Уединенный Пармен» также близок к перечисленным произведениям Радищева.³⁵ Фразы так же кратки и отделяются друг от друга тире, как в «Дневнике одной недели». Весь «отрывок» проникнут глубокой взволнованностью, словно представляет излияния потрясенной души.³⁶ Лирическая напряженность монолога Пармена сменяется более спокойным и полuirоническим, полуторжествующим заключением — авторским повествованием; близко к этому по характеру и окончание «Дневника одной недели».

Все это дает, по нашему мнению, известные основания считать отрывок «Уединенный Пармен» принадлежащим перу Радищева и тем самым принять гипотезу о его сотрудничестве в «Утренних часах».

Останавливаясь на вопросе об участии, вернее о неучастии, Радищева в «Почте духов» Крылова, мне кажется, нецелесообразно; этому посвящено несколько страниц в моей статье «„Почта духов“ Крылова»³⁷ и в «Истории русской журналистики XVIII века».

³⁴ См.: Ю. М. Лотман. 1) А. Н. Радищев в борьбе с общественно-политическими воззрениями и дворянской эстетикой Карамзина. Автореф. дисс., Тарту, 1951, стр. 10—11; 2) Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века. А. Н. Радищев и А. М. Кутузов. Сб. «Радищев», под ред. М. П. Алексеева, Л., 1949, стр. 92—99.

³⁵ См. приложение в конце статьи — текст «Уединенного Пармена».

³⁶ Ср.: Ю. М. Лотман. О некоторых вопросах эстетики А. Н. Радищева. Научные труды, посвященные 150-летию Тартуского государственного университета, Таллин, 1952, стр. 177—178.

³⁷ См.: Труды Юбилейной научной сессии Ленинградского Государственного ордена Ленина университета, Секция филологических наук, Л., 1946, стр. 246 и 251.

Значительно больше внимания уделяли советские литературоведы в последнее время вопросу об участии Радищева в журнале «Беседующий гражданин». В своей «Истории русской журналистики XVIII века» я постарался свести воедино все, что появилось до 1951 года в печати по этому поводу. Поэтому я не считаю нужным повторять здесь сказанное ранее. Добавляю только следующее. В «Истории русской журналистики» я отметил «удивительную близость» программной статьи «Придорожная гостиница, или Нечаянная беседа» «как со стороны содержания, так и языка» к напечатанной в «Беседующем гражданине» радищевской «Беседе о том, что есть сын Отечества». У меня нет сейчас каких-либо подтверждений высказанного предположения об авторстве Радищева, но я располагаю в данное время материалом, свидетельствующим о том, что в конце XVIII века «Придорожной гостинице» тогдашние читатели придавали значение: она оказалась включенной в рукописный сборник (из собрания А. А. Титова), хранящийся в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).³⁸

В главе из «Истории русской журналистики XVIII века», в разделе «Роль А. Н. Радищева в истории русской журналистики XVIII века», я коротко суммировал данные о пребывании Радищева в Тобольске и поставил вопрос о возможном участии его в издававшемся там П. П. Сумароковым в 1791 году³⁹ журнале «Иртыш, превращающийся в Иппокрену».

Разыскания А. А. Шмакова являются как бы ответом на поставленный мной вопрос.⁴⁰ В статье «Радищев и журналистика дореволюционной Сибири» А. А. Шмаков пришел к выводу, что «изучение содержания вышедших номеров („Иртыша“) не подтверждает участия Радищева в тобольском журнале. В архивных бумагах, относящихся к „Иртышу“ и его сотрудникам, пока еще не обнаружено никаких документов, указывающих на прямое участие в журнале А. Радищева».⁴¹

Очень возможно, что архивные источники и не подтвердят документально участия Радищева в «Иртыше», — едва ли были заинтересованы издатель журнала и сотрудники в том, чтобы сохранять в бумагах следы своих связей с человеком, обвинен-

³⁸ ГПБ, Рукописный отдел, Собрание А. А. Титова, № 2101.

³⁹ П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 539.

⁴⁰ Подобное предложение я сделал А. А. Шмакову в письменном виде в 1950 году.

⁴¹ А. А. Шмаков. Радищев и журналистика дореволюционной Сибири. «Сибирские огни», 1952, № 5, стр. 137.

ном в государственном преступлении. Не исключена также возможность того, что Радищев печатал свои произведения в «Иртыше» под чужой подписью. Так, А. А. Шмаков указывает, что в апрельской книжке журнала была помещена оригинальная статья «Нечто к состоянию людей относящееся», в которой идет речь «о причинах войн, о вольности и рабстве, об аристократическом и демократическом правлении, наемничестве и состоянии рабов».⁴² Подписана статья «В. П.». А. А. Шмаков не расшифровывает этих инициалов. А. Н. Неустроев в своем известном «Историческом разыскании о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 годы» указал, что подпись «В. П.» принадлежала учителю Тобольского главного училища Василию Прутковскому, и статью, упомянутую А. А. Шмаковым, А. Н. Неустроев прямо приписывает В. Прутковскому.⁴³

Если, однако, посмотреть, что печаталось в «Иртыше» под инициалами «В. П.» до апреля 1791 года, то бросается в глаза крайнее несоответствие этих материалов («Загадки», «Ответ на то, какое время года было тогда в Раю и у нас, когда создан свет», перевод с латинского, и т. д.) содержанию статьи «Нечто к состоянию людей относящееся». Обращает на себя внимание, что после этой статьи В. Прутковский, ранее довольно активно участвовавший в «Иртыше», больше в нем не печатался. Означает ли это, что статья «Нечто к состоянию людей относящееся» только подписана инициалами «В. П.», а на самом деле принадлежит не ему, или что на этой статье отразилось влияние Радищева, который с середины декабря 1790 года по 30 июля 1791 года жил в Тобольске, сейчас сказать трудно.

Можно высказать также предположение, что стихотворение И. Бахтина «Сон», приводимое А. А. Шмаковым и начинающееся словами

О редкий человек! Достойный вечной славы!
 Благоразумия ты презри все уставы,
 Не слушанся его, ступай за мной вослед
 И робость днесь оставь: тебя бессмертье ждет,⁴⁴

посвящено Радищеву.

Выводы А. А. Шмакова о возможном участии Радищева в «Библиотеке ученой» так же осторожны, как и относительно «Иртыша...»: он не считает возможным при нынешнем состоянии вопроса приписать Радищеву какое-либо определенное

⁴² Там же, стр. 138.

⁴³ См.: А. Н. Неустроев. Историческое разыскание о русских повременных изданиях. СПб., 1875, стр. 554.

⁴⁴ «Сибирские огни», 1952, № 5, стр. 138.

произведение или какие-либо определенные произведения в «Библиотеке ученой». А. А. Шмаков останавливается на статье (в форме письма) «О воспитании множества», в которой «высказываются мысли, сходные со взглядами Радищева», но осторожно замечает, что анализ этой статьи «еще не дает прямого повода считать его самого автором письма».⁴⁵

Нет необходимости останавливаться сейчас на вопросе об участии Радищева в «Санкт-Петербургском журнале» (статьи «Читателя», местом написания которых указан г. Торжок), так как новых данных по сравнению с теми, которые были приведены нами в «Истории журналистики» (стр. 384—386), у меня нет. Если бы мы располагали сейчас сводным перечнем подписчиков на журналы XVIII века (по спискам особ подписавшихся...), которые прилагались ко многим изданиям тех лет), мы могли бы с большей или меньшей уверенностью сказать, были ли в Торжке в конце XVIII века лица, следившие за литературой, состоявшие подписчиками журналов и способные писать статьи. Принесли бы пользу и краеведческие разыскания о культурной жизни в Торжке тех лет: здесь краеведы могут прийти на помощь литературоведам.

Вопрос об участии Радищева в журнальной литературе 1770—1790-х годов продолжает, как видно из изложенного, привлекать внимание исследователей вплоть до наших дней. Объясняется это не только стремлением полнее и разностороннее изучить его литературную деятельность, его взгляды и круг его интересов, но также и определить сферу его воздействия на современную ему литературу, на тогдашних литераторов и читателей, на русскую культуру тех лет. Поэтому живейший интерес на наш взгляд, вызывают, например, разыскания А. А. Шмакова, хотя они не во всем могут удовлетворить. Роль Радищева изгнанника в развитии литературы в Сибири — тема благодарная и актуальная.

Представляет также интерес и вопрос об участии Радищева в журналах после возвращения из ссылки. До сих пор точно известно только то, что в X части московского журнала «Иппокрена, или утехы любословия» в 1801 году было анонимно напечатано стихотворение Радищева «Сафические строфы». Л. Б. Светлов выступил в печати с гипотезой о принадлежности Радищеву напечатанных в том же журнале «Строф сафического размера» (ч. IX).⁴⁶ Редакция III тома академического издания

⁴⁵ Там же, стр. 139.

⁴⁶ См.: Л. В. Светлов. Материалы для полного собрания сочинений А. Н. Радищева. «Звенья», т. XII, [1950], стр. 754—758.

сочинений Радищева, основываясь на том, что это произведение напечатано анонимно, что никаких прямых данных о принадлежности его Радищеву не имеется, что в дошедших до нас рукописях и письмах самого Радищева и в мемуарной литературе оно не упоминается, сочла возможным признать предположение Л. Б. Светлова «лишь как гипотезу, требующую всесторонней проверки и обсуждения». Ни за, ни против данной гипотезы редакция не высказалась, и вместо того, чтобы с должной авторитетностью осветить этот спорный вопрос, заявила, что «в настоящее время не имеет достаточных оснований включать» приписываемое Радищеву произведение в состав издаваемого тома.⁴⁷ Согласиться с такой постановкой вопроса, на наш взгляд, никак нельзя.

Вопрос о журнальной деятельности Радищева имеет не библиографическое, а большое общественное значение, и занимать в этом деле позицию невмешательства редакции академического издания не следовало бы.

5. К какому литературному направлению следует относить творчество Радищева?

Буржуазное дореволюционное литературоведение, как известно, сравнительно поздно заинтересовалось изучением жизни и творчества Радищева. Внимание тогдашних исследователей привлекали главным образом биография и фактическая сторона его литературной деятельности. Вопрос о характере литературного направления, к которому можно отнести творчество Радищева, возник перед буржуазными литературоведами едва ли не в самые первые годы XX века. Начиная с В. Я. Стоюнина, М. Туманова и др., стали говорить о наличии в «Путешествии» черт сентиментализма. В первые годы после Великой Октябрьской революции П. Н. Сакулин уже с полной определенностью писал, что «книга Радищева принадлежит к тому литературному жанру «путешествий», который был одним из любимых в эпоху сентиментализма. «„Путешествие“, — продолжает он, — не просто публицистический трактат, а именно, литературное произведение в собственном смысле этого слова, богатое жанровыми картинками, эпизодическими лицами-типами, лирическими излияниями и даже игрою воображения, со всеми идейными предпосылками сентиментализма (демократизмом, руссоизмом, чувствительностью)».⁴⁸ И далее П. Н. Сакулин окончательно

⁴⁷ А. Н. Радищев, т. III, стр. 564.

⁴⁸ П. Н. Сакулин. Пушкин и Радищев. М., 1920, стр. 34.

формулировал свою точку зрения: «По „Путешествию“ Радищева можно изучать сентиментальный стиль не хуже, чем по „Письмам русского путешественника“ и по „Бедной Лизе“ Карамзина». Эту точку зрения П. Н. Сакулин развивал и в дальнейшем. Характеризуя русский сентиментализм как «субъективный реализм» и считая, что русский сентиментализм имел три разновидности — чувствительную, дидактическую и социальную, П. Н. Сакулин утверждал: «Написанное в стиле сентиментальных путешествий, произведение Радищева по глубине и смелости мыслей не только не имеет ничего общего с чувствительными путешествиями Шаликова, Измайлова и им подобных, но и превосходит „Письма русского путешественника“ Карамзина. „Путешествие из Петербурга в Москву“ сконцентрировало в себе все напряжение социальных чувств сентиментализма: это — самый яркий памятник социального сентиментализма».⁴⁹

Как видно из изложенного, отправная точка суждений П. Н. Сакулина о сентиментализме Радищева состояла в том, что книга последнего является по жанру «путешествием». Именно этот формальный признак был важнейшим в системе истолкований Сакулиным и его предшественниками «Путешествия из Петербурга в Москву».

Последующие авторы, касавшиеся того же вопроса (сознательно или бессознательно), продолжали развивать точку зрения Сакулина. Впрочем, не все писавшие об этом были полностью согласны с Сакулиным.

Интересны в этой связи малоизвестные, но очень показательные суждения историка П. Г. Любомирова. В статье 1926 года, озаглавленной «Благонамеренное „Путешествие из Петербурга в Москву“ (Глушков и Радищев)», он коснулся вопроса о стиле книги Радищева.⁵⁰

В результате сказанного П. Г. Любомировым получается, что стиль Радищева есть соединение всех литературных направлений, характеризующих русскую литературу конца XVIII и отчасти начала XIX века (за исключением романтизма). Как ни парадоксально подобное заключение, оно не являлось следствием того, что вопросы стиля взялся решать не литературовед, а историк. Дело в том, что известный историк литературы А. П. Скафтымов, занявшийся около того же времени (1926) вопросом о реализме и сентиментализме в «Путешествии из Петербурга в Москву», пришел к довольно близким выводам.

⁴⁹ П. Н. Сакулин. Русская литература, ч. II. М., 1929, стр. 324.

⁵⁰ См.: П. Г. Любомиров. Благонамеренное «Путешествие из Петербурга в Москву» (Глушков и Радищев). «Ученые записки Саратовского университета», т. VI, вып. III, 1926, стр. 324.

Проф. Скафтымов, не решив предварительно вопроса о соотношении основной идеи книги Радищева и ее композиции, что не могло не сказаться на ходе его рассуждений, подверг текст «Путешествия» тщательному стилистическому анализу, сопоставляя часто фразеологию Радищева с прозой других писателей XVIII века. В итоге автор пришел к следующим выводам: «Рассматриваемое с точки зрения принадлежности к той или иной литературной традиции, „Путешествие“ Радищева должно быть признано произведением, выросшим на почве сложного взаимодействия прежних рационалистических представлений и композиционно-стилистических привычек с нарождающимся стремлением к обрисовке живой действительности в ее бытовом многообразии».⁵¹

Считая, что «преобладающий и подавляющий круг стилистических средств Радищевым целиком взят из традиционного запаса классической ретирики и диалектики середины XVIII века», А. П. Скафтымов продолжает: «Так как мысли „Путешествия“ исходят от жизни и направлены к жизни, именно к ее бытовым формам, то оно, естественно, тяготеет к новым реалистическим попыткам письма (элементы картин и портретных характеристик бытовых типов)». По мнению автора, эта реалистическая стихия представлена в «Путешествии» количественно незначительно и все время подвергается воздействию основного, классически рационалистического направления в творчестве Радищева. «Что же касается сентиментализма, — говорит далее А. П. Скафтымов, — то эта литературная стихия коснулась его меньше всего». Развивая этот тезис, А. П. Скафтымов замечает: «Индивидуально специфические качества сентиментализма (наслаждение чувством, анализ эмоциональных состояний, оптимистическое умиление, стремление к „приятности“ слога) Радищеву были чужды. Эти стороны находились бы в противоречии с основным пафосом его общественного призыва».⁵²

Таким образом, основная идея работы А. П. Скафтымова, интересной и богатой отдельными верными соображениями, хотя и исходившей из неверной трактовки «Путешествия» в целом, состояла в отрицании сентиментализма Радищева.

⁵¹ А. П. Скафтымов. О реализме и сентиментализме в «Путешествии» Радищева. «Ученые записки Саратовского университета», т. VII, вып. III, 1929, стр. 21—22 (отдельного оттиска). Ср.: А. П. Скафтымов. О стиле «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. В кн.: Статьи о русской литературе. Саратов, 1958, стр. 103.

⁵² Там же, стр. 22 (оттиска, 1929) и 103 (книги, 1958).

В последующем изучении Радищева возобладала прежняя точка зрения, сводившаяся к признанию Радищева сентименталистом. Нет необходимости проследивать, кем из авторов и в какое время она высказывалась на протяжении 30—40-х годов. Основное, что следует указать, — это то, что безоговорочно объединить в одно сентиментальное направление как Карамзина, так и Радищева уже в силу борьбы советского литературоведения с порочной теорией «единого потока» не решался, кажется, ни один исследователь Радищева. Была, однако, выдвинута теория двух сентиментализмов — «революционного», представителем которого признавали Радищева, и «реакционного», карамзинского. Эта точка зрения продержалась долго и до сих пор не утратила некоторого количества сторонников.

В течение последнего десятилетия стала выдвигаться и другая точка зрения, объявляющая Радищева зачинателем русского критического реализма. Эта точка зрения по-разному формулировалась в научной литературе и до юбилея Радищева 1949 года. Так, воронежский профессор И. П. Плотников в статьях «„Путешествие из Петербурга в Москву“ Радищева. (В плане эволюции стиля)»⁵³ и «К вопросу об эволюции стиля в творчестве Радищева»⁵⁴ проводил мысль, что «основным стилем „Путешествия“ следует считать критический реализм в его ранней формации, т. е. в его сентиментально-романтической окраске».⁵⁵ В подобной трактовке вопроса стирается, как мне кажется, качественное отличие критического реализма от сентиментализма, пропадает смысл новаторства Радищева — критический реализм оказывается только этикеткой для «сентиментально-романтической окраски».

Юбилей Радищева 1949 года принес решительный поворот в трактовке вопроса о принадлежности автора «Путешествия» к тому или иному литературному направлению. В ряде статей (В. Щербины, Н. Л. Степанова, Н. К. Пиксанова, моей) были высказаны то более, то менее подробно аргументированные суждения о реализме и — специально — критическом реализме Радищева. При этом некоторые из перечисленных авторов исходили из оценки всего творчества Радищева, а не одного только «Путешествия», и не из формального понимания сентиментализма как совокупности внешних признаков фразеологии

⁵³ «Известия Воронежского государственного педагогического института», т. VIII, вып. I, 1946, стр. 48—73.

⁵⁴ Там же, т. X, вып. III, 1947, стр. 5—28.

⁵⁵ Там же, т. VIII, вып. I, 1946, стр. 72.

и стилистики, а из определенной философской концепции карамзинского (и, по сути, всякого другого) сентиментализма.

Оценивая «Письма русского путешественника», Белинский отмечал как раз фактическую, информационную, политическую сторону книги, а не сентиментальное самолюбование Карамзина в «зеркале души» своей. Белинский подчеркивал, что Карамзин распространял в русском обществе «познания, образованность, вкус и охоту к чтению»,⁵⁶ отмечал его «умение следить за современными политическими событиями и передавать их увлекательно».⁵⁷

Таким образом, оценка Карамзина Белинским (а также Чернышевским и Добролюбовым) проистекала из признания значения не его сентиментализма, а как раз того, что для Карамзина было наименее важным, чего Карамзин и не ставил своей задачей, — общественной пользы.

В центре внимания Радищева в «Путешествии» все время стоит не автор с его переживаниями, не абстрактный человек с его горестями и радостями, с его «унынием» и «меланхолией», как у Карамзина, а русский народ, крепостное русское крестьянство, обездоленное, угнетаемое, всячески эксплуатируемое и помещиками, и купцами, и чиновниками, но полное больших человеческих чувств, полное потенциальной, часто прорывающейся революционностью. Активное народолюбие Радищева, признание им, что право без силы не имеет никакого реального значения в исторической жизни народа, признание им законности и справедливости крестьянской революции никак нельзя смешивать с сентиментализмом, даже если называть последний «революционным». Ведь, по существу, это означает, что «революционный сентименталист» щеголяет своими симпатиями, своим «сопереживанием» революции, но никак не ставит своей целью отодвинуть «зеркало души» и помочь этой самой революции, помочь угнетенному крепостному крестьянству.

Начиная с посвящения книги А. М. Кутузову, Радищева интересуют не собственные переживания, а возможность воздействовать на читателей своей революционной проповедью, показать исторические судьбы русского народа, решить «гадательное в истории Российской», опровергнуть все иные способы освобождения народа, кроме единственного, — революционного. Целью книги Радищева является не индивидуалистическое «самораскрытие» автора на материале революционной проповеди, а сама революционная проповедь.

⁵⁶ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., под ред. С. А. Венгерова, т. XI, Пгр., 1917, стр. 208.

⁵⁷ Там же, стр. 219.

Из этого следует, что основного, важнейшего принципа сентиментализма в творческом методе Радищева как раз и нет. Но это же самое говорит за то, что никак нельзя признать его и классиком, сторонником рационалистического классицизма, на чем в свое время настаивали, хотя и с ограничениями, П. Г. Любомиров и А. П. Скафтымов.

Таким образом, следует прямо сказать, что Радищев явился одним из зачинателей русского критического реализма.

После радищевского юбилея 1949 года эта точка зрения стала все более и более упрочиваться. От нее отказались даже такие приверженцы теории «революционного сентиментализма» Радищева, как Г. П. Макогоненко и В. Н. Орлов. Первый в статье «А. Н. Радищев и русская общественная мысль» подробно характеризует дворянский сентиментализм Карамзина, но, впрочем, от определения литературной позиции Радищева уклоняется.⁵⁸ В книге «Радищев и его время» он посвятил ряд страниц вопросу о реализме «Путешествия» (стр. 491 и след.), но нигде не сформулировал точно своей окончательной точки зрения; лишь в оглавлении (стр. 772) кратко сказано: «О реализме „Путешествия“». В. Н. Орлов во втором издании своей книги «Радищев и русская литература», хотя и с ограничениями, говорит о реализме в творчестве Радищева.⁵⁹

В связи с признанием критического реализма как творческого метода Радищева снова всплывает вопрос о «Дневнике одной недели», якобы «мешающем» правильному истолкованию творческого пути писателя. Помещая «Дневник» в начале литературной деятельности Радищева и отрицая в то же время принадлежность Радищеву «Отрывка путешествия в*** И*** Т***», Г. П. Макогоненко и следующие за ним авторы полагают, будто устраняют тем самым встающие перед ними трудности. На самом деле это не так.

«Дневник одной недели» это вовсе не «сентиментальный самоанализ», не копание автора в индивидуалистических, эгоистических переживаниях личности, а документ, подобно предположительно приписываемому Радищеву «Уединенному Пармену», свидетельствующий о том, что, говоря словами Радищева, «человек рожден для общежития». Уединение, когда-то казавшееся герою «Дневника» столь возжеланным, приводит его постепенно к асоциальным настроениям, разрушает его душевный мир, ввергает его в отчаяние; напротив, возвращение друзей

⁵⁸ См.: «Вестник АН СССР», 1952, № 9, стр. 76—77.

⁵⁹ См.: В. Н. Орлов. Радищев и русская литература. 2-е изд., Гослитиздат, Л., 1952, стр. 35.

вновь делает героя полноценным, он снова чувствует себя счастливым, ибо «как можно человеку быть одному, быть пустынику в природе!» — «человек рожден для общежития».

Следовательно, идейный замысел «Дневника одной недели» (социальный, а не сентиментально-индивидуалистический) нисколько не расходится со всем тем, что писал Радищев в 1788 и следующих годах. Это обстоятельство заставило меня еще в 1949 году выдвинуть предположение об иной датировке «Дневника», чем принятая в академическом издании. В статье «Гражданин будущих времен» я попытался обосновать свое предположение о том, что «Дневник» был написан не ранее 1791 года.⁶⁰

Независимо от меня к признанию поздней даты написания «Дневника одной недели» пришла и Л. И. Кулакова, посвятившая этому вопросу специальную статью. По мнению Л. И. Кулаковой, «Дневник одной недели» был написан в 1790—1791 годах и стилистически и психологически совпадает с дополнением к «Завещанию» Радищева и некоторыми его письмами к А. Р. Воронцову 1790—1791 годов.⁶¹

Доводы Л. И. Кулаковой, несмотря на несовпадение некоторых моментов в общей постановке ею вопроса о «Дневнике» с изложенной выше концепцией, убедительно свидетельствуют об «автобиографическом» характере этого произведения. Конечно, «автобиографичность» должна здесь пониматься так же, как и в других произведениях Радищева, например в «Житии Филарета милостивого», т. е. лишь как отправной пункт, дающий автору материал для широкого переосмысления фактов индивидуальной жизни в плане социальном, философском.

К сказанному выше нужно прибавить и следующее.

1. Первая постановка «Бeverлея» Сорена состоялась не 11 мая 1773 года, а 11 мая 1772 года.⁶² Таким образом, сторонники ранней датировки «Дневника», опирающиеся на упоминание о «Бeverлее» и считающие, что речь идет обязательно о первой и единственной постановке, должны признать «Дневник» произведением, написанным Радищевым всего через не-

⁶⁰ См.: «Известия АН СССР», Отделение литературы и языка, 1949. № 5, стр. 413—415. В настоящей статье я стараюсь не повторять аргументации статьи 1949 года.

⁶¹ См.: Л. И. Кулакова. О датировке «Дневника одной недели». Сб. «Радищев», под ред. М. П. Алексеева, Л., 1950, стр. 148—157.

⁶² М. Н. Лонгинов. Русский театр в Петербурге и Москве (1749—1774). СПб., 1873, стр. 29; В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Библиографический и хронологический указатель материалов по истории театра России в XVII и XVIII вв. Сборник Историко-театральной секции Наркомпроса, т. I, Пгр., 1918, статья 8, стр. 10.

сколько месяцев по возвращении из-за границы (он приехал между 20 и 25 ноября 1771 года). Сопоставление языка этого произведения Радищева с «Отрывком путешествия в*** И*** Т***» (1772) и с его переводами 1773 года свидетельствует против подобного допущения: и «Отрывок» и переводы написаны не таким простым, легким и ясным языком, как «Дневник одной недели». Для более точных выводов необходимо сделать тщательный стилистико-лингвистический анализ безусловно радищевских произведений 1772—1773 годов, а также «Отрывка путешествия в*** И*** Т***», с одной стороны, и «Дневника одной недели», с другой. В данной работе сделать это не представляется возможным.

2. Возвращаясь к вопросу о «Беверлее» как опорном моменте для датировки «Дневника», следует указать, что в тексте этого произведения отмечается знакомство героя с судьбой героини драмы Сорена: «Собрание карет — позорище, играют Беверлея, — войдем. Пролием слезы над несчастным. Может быть, моя скорбь умалится». Последние две фразы говорят о том, что герою «Дневника» уже известно содержание пьесы, иначе слова: «Пролием слезы над несчастным» не могли бы найти места в тексте. А раз это так, то нет никаких оснований считать, что в «Дневнике» имеется в виду именно премьера «Беверлея» 11 мая 1772 года. Драма Сорена пользовалась в 1770—1780-е годы большим успехом. В «Драматическом словаре» 1787 года указано, что «сия трагедия часто играется на Московском театре с похвалою».⁶³ О постановках «Беверлея» в Петербурге после 1772 года у нас точных данных нет, но можно не сомневаться, что и здесь, как и в Москве, эта драма ставилась: то, что Дмитревский играл в ней главную роль, обычно служило основанием для сохранения пьесы в репертуаре.

Однако самый спор о дате постановки «Беверлея» представляется нам излишним: «Дневник одной недели» — не подлинный дневник, а художественное произведение. В нем есть элементы реальной действительности — упоминание о кладбище в Волковой деревне, т. е. о нынешнем Волковом кладбище в Ленинграде; в первых дневниковых записях говорится об отправлении героем произведения своей «должности»; здесь снова приходится сослаться и на «Беверлея», но все же это художественное произведение, решающее проблему влияния одиночества человека на его психику; в нем художественно решается проблема: «человек рожден для общежития». Поэтому датировка «Дневника одной недели» на основании постановок «Беверлея» лишена смысла.

⁶³ Драматический словарь. «Перездание». СПб., 1881, стр. 24.

3. «Дневник одной недели» был создан Радищевым, по-видимому, после приезда к нему в Тобольск Е. В. Рубановской с его детьми, дочерью Екатериной и сыном Павлом, и с братом писателя М. Н. Радищевым. О предстоящем их приезде Радищев несомненно был предупрежден. В письме к А. Р. Воронцову из Тобольска от 1 марта 1791 года он сообщал, что из Иркутска получил, при письме Воронцова, семь пакетов с письмами и газетами.⁶⁴ Возможно, здесь были вести от родственников. В письме от 8 марта 1791 года Радищев прямо указывает, что «затянул свое путешествие вследствие утомления и желания повидать своих».⁶⁵

Наконец, 2 марта приехали Рубановская, М. Н. Радищев и дети. Оповещая об их прибытии Воронцова, Радищев через несколько дней писал своему бывшему начальнику и другу: «Уже несколько дней, как сердце мое, если можно так выразиться, истерзанное мукой, расширилось и открылось для радости; мой бездейственный разум, кажется, снова может вернуть себе немного силы. Мой добрый друг, моя сестра, 2-го сего месяца прибыла сюда с двумя моими малолетними детьми и в сопровождении моего брата». И далее идут слова, совершенно напоминающие те фразы «Дневника одной недели», которые характеризовали душевное состояние героя накануне приезда друзей, вернувшихся не в назначенный срок: «Значит, было суждено, что стечением обстоятельств, почти неизъяснимых для меня самого, доведенный до края пропасти, что говорю я, до края, поглощенный пучиною тем более ужасною, что она грозила мне угасанием чувства, я оказался внезапно выплывшим из бездны и способным еще приблизиться к кумиру рода человеческого — к счастью, коему всякий придает свою форму, воображением своим либо украшая его цветами, либо окружая его кинжалами или ядом». И затем Радищев переходит к описанию своей радости: «Способен ли я к счастью? Да, милостивый государь, я способен. С тем меньшим честолюбием, чем с большей жаждой славы, с душой, доступной волнению лишь при приближении к предметам, чувства не смущающим, неведомый миру, окруженный существами мне дорогими, я могу жить и быть довольным. Да, жить; да, я буду жить, а не прозябать. Перемена столь внезапная в существе моем, новая жизнь, так сказать, возрождение блаженства».⁶⁶

⁶⁴ См.: А. Н. Радищев. Избранные сочинения, под ред. Г. П. Макогоненко, стр. 529.

⁶⁵ Там же, стр. 532 (в тексте дан перевод с французского, на котором это письмо было написано).

⁶⁶ Там же, стр. 530.

Последние строки следует сопоставить с заключением «Дневника одной недели»: «Карета остановилась, — выходят, — о, радость! О блаженство! друзья мои возлюбленные!.. Они!.. Они!..». ⁶⁷

Сильные переживания, вызванные приездом Рубановской и детей, продолжали волновать Радищева и дальше. В письме от 15 марта того же года он снова говорит о своем душевном состоянии: «Получив в горести моей великую отраду приездом моих друзей, я чувствую, что существо мое обновляется. Разум, в недействие почти приведенный, испытывает паки свои силы, и сердце, обычное повторительно печально содрогаться ежедневно, трепещет еще, но от радости». ⁶⁸ В следующем письме, от 29 марта, Радищев снова пишет: «...среди бедствия я блаженство чувствовать могу». ⁶⁹

Наконец, в письме от 5 апреля Радищев полностью характеризует свое душевное состояние перед прибытием «друзей», как он еще называет Рубановскую и детей, и после их приезда: «Ожидая весну, чтобы продолжить наше путешествие и прибыть к месту моего назначения, я стараюсь употреблять время несколько иначе, нежели я делал по прибытии моем в сей город. Тягостное состояние, в каком я находился и кое, ваше сиятельство, могли себе вообразить по письмам моим, ⁷⁰ не позво-

⁶⁷ Там же, стр. 8.

⁶⁸ Там же, стр. 532.

⁶⁹ Там же, стр. 535. В этом письме обращает на себя внимание цитата Радищева из «Путешествия»: «Блажен, сказал я, живущий в воображении!» (стр. 536). Ср. в «Путешествии»: «...блажен живущий в мечтании» (стр. 62).

⁷⁰ В недатированном письме к Воронцову из Твери, относимом к октябрю 1790 года, Радищев писал: «...разлука с детьми моими есть для меня томная смерть» (там же, стр. 525); в письме из Нижнего от 20 октября он говорит, что чувствовал бы себя хорошо, «если бы не несносная сердцу моему печаль разлучения моего от детей моих не была толико отяготительна... все мое умствование, вся философия исчезают, когда вспоминаю о моих детях» (стр. 526). Особенно полно тревог письмо от 22 октября из Перми: «Я сам себе устроил бедствие и стараюсь сносить казнь мою с терпением; но часто оно бывает недостаточно. Вооружая надеждою и рассудком, но как скучно вспомнить, что я живу в разлучении от детей моих! Рассудка уже более нет во мне, и едва надежда не отлетает. Если кто знает, что действительным блаженством я полагал быть с ними, тот может вообразить, что скорбь моя должна быть беспредельна». Сказав коротко о состоянии своего здоровья, Радищев продолжал: «Касательно до душевного моего расположения, то я солгу, если скажу, что я покоен. Душа моя болит и сердце страждет. Если бы не блистал луч надежды... то признаюсь, что лишился бы, может быть, и совсем рассудка... Иногда удается мне разогнать черноту мыслей». Радищев высказывает далее надежду на свидание с членами своего семейства: «...время... совершит мое начинание, а тем скорее, если могу иметь уте-

лило мне заняться каким-либо предметом. Как бы возвращенный самому себе приездом друзей моих, я чувствую, что в самых недрах несчастья возможны мгновения счастливые». ⁷¹

Насколько сильное впечатление оставило в сознании Радищева прибытие его друзей в Тобольск в 1791 году, видно из следующей записи его в «Дневнике путешествия из Сибири», сделанной после смерти Е. В. Рубановской, скончавшейся в Тобольске 7 апреля 1797 года: «О! колико первое мое в Тобольске пребывание было приятное. В горести свидеться с теми, кого всех больше на свете любишь, или расстаться с ним (*так!* — П. Б.) навеки... Сей город навеки будет иметь для меня приятельность». ⁷²

Из приведенных материалов, как нам кажется, явствует, что и психологическое состояние героя «Дневника одной недели» и стилистические особенности этого произведения чрезвычайно близки к состоянию Радищева в Тобольске и к стилю его писем марта—апреля 1791 года. Все это дает основание предполагать, что в «Дневнике одной недели» Радищев изобразил, отвлекаясь от чисто биографического материала и перенося действие из Тобольска в Петербург, гамму переживаний человека, «поглощенного пучиною» отчаяния, человека, которому грозило «угасание чувства» и которого спасло возвращение в общество, ибо «человек рожден для общежития». Так, Радищев снова и снова обращался к основному тезису своей философии и главному принципу своей практики. «Дневник одной недели» отнюдь не представлял собой уход от социально-политической проблематики «Путешествия» в круг узких индивидуальных переживаний и интересов, а являлся дальнейшим развитием философских и эстетических воззрений писателя. Если же поставить вопрос, к какому литературному направлению принадлежит «Дневник одной недели», то нет никаких оснований считать его произведением сентиментальной школы или классической; это — психологический этюд вполне реалистического характера.

Таким образом, не только «Путешествие из Петербурга в Москву», но и последовавший за ним «Дневник одной недели» является доказательством того, что Радищев был одним из зачинателей русского критического реализма, как в форме «объективной» («Путешествие»), так и в форме «психологической» («Дневник одной недели»).

шительное удовольствие видеть на месте моего пребывания кого-либо из моего семейства» (стр. 527—528).

⁷¹ Там же, стр. 536 (перевод с французского).

⁷² А. Н. Радищев. Избранные сочинения, под редакцией Г. П. Макогоненко, стр. 736.

Приложение

УЕДИНЕННЫЙ ПАРМЕН

Ужасная пустыня, дремучие леса, современники первобытий мира, страшные горы, знак гнева божия, заключают меня со всех сторон. Что ж, должен ли я отчаяваться? — Уныние признак душевной слабости. — Я рожден, к общежитию; все люди рождены к тому. Я один здесь. Где искать помощи? С кем беседовать? — Затворимся внутрь себя. — Какие излучистые вертепы! Какие мрачные места! Так; отсюда исходят те соблазнительные мысли, которые сам разум защищает в угодность злой воли! Свет истины не всегда проникает сей закоренелый туман. Един Спаситель, поучая нас смирению, поучая воздержанию и любви, может разогнать мысленное глумление страстей. Он сотворил меня, да буду сопричастен Его благодати, что ж, разве и здесь не могу я наслаждаться Его щедротою? — Непостижимы Его намерения. Я здесь, может быть, для того, чтоб осветить свою внутренность; чтоб поселить покой в сердце своем. — Бог любит все прекрасное, все Его творения таковы; почто ж не любить и мне всего прекрасного? — Да удалится злобная скука от души моей. Надежда да воскресит меня к небесам, где совершенства обитают, где блаженство состоит в чувствовании прекрасного и непостижимого.

Так размышлял Пармен, выкинутый волною на пустой остров. Он идет осматривать новое обиталище. — Широкая река протекает там пред его ногами. Но где сокрываются волны ея? — Это изображение моей жизни, говорит Пармен: ужасна для злых вечность, блага для делающих добро. — Цветок сей прекрасен; но на долго ли? — *Человек, яко цвет сельный: тако процветет и погибнет.* — Все переменится; природа воспримет вскоре мертвенную одежду: — но для чего? — Чтоб появиться в новом сиянии, с новыми красотами и блеском. О усладительная мысль! Ты заставляешь меня предвкушать сладости будущего, по оставлении брения! —

Некий пронзительный вопль прерывает Парменовы размышления, и он течет, как быстрый елень, на помощь призывающим его страждущим сочеловекам, благославляя судьбы, показующие ему путь и долг жизни его...